

В.О. Печатнов,

д.и.н., МГИМО — Университет МИД России

В своем выступлении я хотел бы вернуться к теме о происхождении холодной войны.

По большому счету, я думаю, большинство из нас согласится в том, что в основных своих чертах это соперничество, учитывая разницу социально-политических систем, геополитический и даже культурно-цивилизационный факторы, было, видимо, неизбежным насколько вообще что-то может быть неизбежным в человеческой истории. Но это соперничество могло принять разные формы, в том числе и менее опасно-конфронтационные, если бы обе стороны проявили большую сдержанность и готовность к компромиссу.

Сталин говорил сенатору К.Пепперу в сентябре 1945 года: трудно будет сохранить союзные отношения после войны, но, как сказал Христос, «ищите и обряцете». Вот этого поиска как раз и не было. Не было его с советской стороны, поскольку Сталин был целиком поглощен задачей консолидации своей сферы влияния любой ценой, невзирая на сопротивление Запада. У меня в одной из документальных публикаций описано, как он уже в ноябре 1945 года отхлестал Молотова, почти уволил его за якобы проявленный либерализм в отношении союзников, настраивая и Молотова, и все Политбюро на жест-

кую линию, как он ее называл, линию «выдержки и стойкости» в отношениях с союзниками.

Но не искали альтернативы и Соединенные Штаты. Давайте сравним, положение обеих стран к концу войны. СССР был гораздо более слабой стороной, что хорошо понималось и в Москве, и в Вашингтоне. Советская мощь была преимущественно одномерной — военно-силовой. Огромные людские потери — почти в 90 раз выше, чем американские. Небывалые разрушения страны порождали императив послевоенного восстановления. Вторым императивом было обеспечение безопасности страны с учетом уроков российской/советской истории и Второй мировой войны.

Контуры этих потребностей безопасности в планах советского руководства просматривались довольно четко: границы 1941 года, «санитарный кордон наоборот», т.е. просоветский буфер вдоль западных границ СССР, максимальная глубина обороны по всему периметру и свободный выход в Мировой океан.

Сталин надеялся совместить выполнение этой задачи с сохранением если не союзных, то хотя бы более-менее равных отношений с Западом. Тем более, что в годы Второй мировой войны западные лидеры, как, впрочем, и в Первой мировой войне, проявляли понимание этих геополитических запросов СССР и даже давали авансы на будущее — и в отношении черноморских проливов, и в отношении Средиземноморья (опеки над бывшими итальянскими колониями) и помощи в послевоенном восстановлении. Так что у Сталина были основания надеяться на то, что ему удастся совместить одно с другим.

Ровные отношения с Западом были для него важны и для полюбовного признания советской сферы влияния и для получения помощи на послевоенное восстановление. А также для игры на англо-американских противоречиях, потому что если бы создавался англо-американский блок против СССР, никакой игры на этих противоречиях быть уже не могло, а это была одна из основных карт Сталина.

Тем не менее, обеспечение первоочередных задач этой геополитической дезидераты, безопасности страны (в его по-

нимании, конечно) для Сталина было важнее, чем сохранение отношений с Западом. Свою роль здесь играла идеология.

Во-первых, потому что она искажала восприятие действительности и вела к недооценке жизнеспособности либерального капитализма, к переоценке потенциала межимпериалистических противоречий.

Во-вторых, идеология толкала советскую сторону к повышенной подозрительности и недоверию, тому самому «а мы еще более настороже», о чем упомянул М. М. Наринский. А значит, толкала и к чрезмерной реакции на реальные и гипотетические угрозы со стороны Запада, к перебарщиванию в обеспечении своей безопасности.

В годы войны союзники, особенно американцы, понимали это (что подтверждается документами) и делали поправки на эту идеологическую погрешность, стараясь не давать советскому руководству лишних поводов для подозрений. С окончанием войны эта предупредительность быстро сошла на нет.

Я согласен с Н. П. Шмелевым: советская политика в 1945-1946 годах была, конечно, жесткой, силовой, в чем-то экспансионистской. Грубые ошибки, даже с точки зрения тогдашних советских интересов, были допущены и в Иране, и в Турции. Это всё так. Кроме того, игра шла «в темную». Советская сторона не раскрывала своих интересов, даже не пыталась доказать их легитимность Западу и объяснять свои шаги. Впрочем, американцы отвечали примерно тем же самым.

Все это вызывало обоюдную настороженность и тревогу. Но в целом мой тезис состоит в том, что в силу жестких ресурсных ограничений Советский Союз, как слабейшая сторона в этом конфликте, а также в силу более императивного характера задач обеспечения своей безопасности, обладал меньшим выбором, меньшей свободой действий, чем Запад.

Здесь мы подходим к американскому (и, конечно, к английскому) вкладу в развязывание холодной войны. Я довольно много работал в американских архивах — дипломатических и военных. И до сих пор помню то удручающее впечатление, которое сложилось у меня от анализа документов по военному планированию США. Стремительно, буквально, в течение двух-трех месяцев произошла стратегическая переоценка Со-

ветского Союза, который превратился из союзника, каким он был вплоть до конца войны с Японией, в противника.

Уже в сентябре-октябре 1945 года военные планы США стали исходить из вероятной войны в сравнительно недалеком будущем с Советским Союзом как главным противником. Неужели так радикально изменилась советская политика за эти два-три месяца? Да нет, конечно. Дело было не столько в изменении советском поведении, сколько в изменении политики самих Соединенных Штатов. Здесь встает вопрос о мере ответственности обеих сторон за развитие событий. Я ни в коей мере не оправдываю советскую сторону. Но США, обладавшие б?льшей мощью, б?льшей свободой маневра и выбора, б?льшей зрелостью и дипломатическим опытом, могла бы позволить себе более великодушную и сдержанную политику в отношении своего недавнего союзника. Запас прочности у американцев все-таки был гораздо больше, чем у нас, а Советский Союз был еще новичок в глобальной мировой политике и спрос с него был несколько другой.

Вместо хотя бы частичного урегулирования разногласий или поисков модуса вивенди мы видим, что наступает Фултон, и не случайно именно в 1946-ом году. Весной этого года происходит формулирование военной составляющей новой стратегии сдерживания, которая заключалась, как мы теперь знаем, не просто в сдерживании Советского Союза, а в вытеснении его из этой расширившейся после войны сферы влияния, (особенно в Восточной Европе), и, в конечном счете — в размягчении и ликвидации советского строя, в смене режима, говоря языком современной американской стратегии.

Мы с американским дипломатическим историком Ф.Логеваллем не сговариваясь, почти одновременно пришли в своих публикациях к одному и тому же вопросу: почему администрация Трумэна не только не вела серьезных переговоров с Советским Союзом, но даже никогда не рассматривала (это показывают внутренние документы) возможность таких переговоров в своих внутренних обсуждениях?

Логевалль приводит в объяснение этому такие вещи, как американская исключительность, непоколебимая уверенность в своей правоте и связанная с этим склонность к демонизации противника. Любое сопротивление американским

планам, любая враждебность по отношению к США воспринимались как сопротивление делу прогрессу и вообще правому делу. Он также ссылается на отсутствие у Соединенных Штатов опыта пребывания в равноправных союзах. Американцам не привыкли иметь дело с другими на равных. Отсюда — особая трудность признания Советского Союза как нового центра силы после войны.

Я бы добавил к этому списку низкий болевой порог, который сформировался за столетия американской дармовой и абсолютной безопасности, когда США не знали внешних агрессий и реальных угроз своей территории. Отсюда, из этого низкого болевого порога, вытекает перестраховка и сверхреакция не только на реальные угрозы, но и на гипотетические, а часто и вымышленные угрозы. Мы это видим и по сей день в американской политике.

Сюда можно также добавить идеологическую одержимость антикоммунизмом. Недаром патриарх школы «реализма» в США Ганс Моргентау писал о том, что американский антикоммунизм был сильнее советского антикапитализма, потому что марксистская идеология зачастую обслуживала интересы советского государства, а американская идеология антикоммунизма во многом задавала параметры этих государственных интересов.

Короче говоря, мне кажется, что только с учетом всех этих факторов и поведения обеих сторон можно понять, почему вероятность — пусть даже очень высокая — холодной войны в послевоенный период обратилась в ее практическую неизбежность.

Итак, отношения между бывшими союзниками могли сложиться лучше, хотя это потребовало бы больших усилий. Но, с другой стороны, они могли бы быть и хуже, и, возможно, гораздо хуже. Обе стороны проявили известную сдержанность и предусмотрительность на заре этого конфликта, когда казалось, что нет иного пути его разрешения, кроме военного. Это тоже безусловно продемонстрированный исторический факт, о котором мы не должны забывать.